

Глава 1

В ПРЕДРАССВЕТНЫЙ ЧАС

Джозеф утонул в ночь на восемнадцатое, его тело удалось вытащить ближе к рассвету, когда шторм шёл на убыль. Циклон, вздымавший волны, изрядно поизмывался над нами: у меня была изодрана рука, у Адама обе ноги. Кроме того, меня здорово шибануло головой о дерево, и теперь, помимо тошноты, мучило головокружение. Одежда, вернее сказать, лохмотья, что остались от роб и штанов, походили на остатки сражённого и потонувшего полка, вместе с которыми, отмучившись, пошла ко дну наша лодка.

До берега мы гребли что было сил, по очереди взваливали на себя бездыханное тело, и, казалось, у Адама ещё оставались силы, однако последние ярдов тридцать его всё чаще уносило обратно. Я почувствовал, что вымотан и опустошён, едва коснулся берега, где нас ждали мой дед с Кампионом и Макэвом.

Рэй Кампион и мой дед Шон Гарфилд были морскими пехотинцами ещё во времена взятия султанского дворца в Занзибаре¹. Сегодняшние волны не пощадили бы их, это точно. Что касается молодого Макэвоа, то он бы нам ни за что не помог: его правая рука была контужена — следствие войны с Гитлером. Из нас был выбит дух, и вся юношеская

---

¹ Англо-занзибарская война 27 августа 1896 года между Великобританией и султанатом Занзибар. Продолжалась в течение 38 минут и вошла в историю как самая короткая война.

могучесть наша опала вместе с последней надеждой, и старания были напрасны, хотя мы знали это ещё до того, как кинулись в воду. Джозеф был обречён погибнуть на двадцать пятом году жизни.

Мы добрались до нашего дома на небольшом скалистом выступе, когда неба коснулись слабые тона рассвета. Тело уложили на диван в кабинете, вызвали полицию, и, кажется, до приезда инспектора никто не произнёс ни слова. Хью Макэвой был хорошим малым, оттого не стал долго маячить. Ценить тишину этого молодого капитана научила всё та же война, и, убедившись, что мы не при смерти, он двинул домой.

За столом, свесив голову, Кампион напоминал исполинский вариант фигурки скорби, что вырезают из дерева и продают на благотворительных базарах. Присевший против него мой дед был в равной степени неутешен — он просто потух.

Адам и я сидели на другом конце обеденного стола и тоже молчали. Нас закутали в овечью шерсть, чтобы мы перестали дрожать, но мы не могли перестать дрожать, потому что нас трясло не от холода, а от слабости. Почему-то мне казалось, что мы походили на две коряги, прибитые к берегу. Было больно дышать, и глотка горела от соли. Я ощущал себя не живым, а остатком такелажа, с которым забавлялся прибой. Мои одежда и волосы, жёсткие и тяжёлые от морской воды, были испачканы смолой, и в моём кармане оказалась гроздь мидий.

Забрезжил восход, и приехал кортеж полиции и «Скорой помощи». Как бы мы ни хотели, но следы от уколов на левой руке Джозефа было ни за что не скрыть, и теперь об этом узнают все — о том, как Джозеф погубил сам себя. Инспектор не стал докучать, благо он видел наше состояние, так что ограничился парой основных вопросов,

и вскорости весь кошмар этот кончился. Полицейские машины уехали, а вслед за ними повезли тело. Северное небо подрумянилось и в который раз обманывало нас, намекая на тёплый день, зато вода разгладилась в полный штиль. Дрожь бессилия начала отступать, но теперь мне казалось, что я никогда не согреюсь.

О несчастье бог знает каким образом узнала Летисия Вудс, ни свет ни заря подоспевшая со свежевыпеченными сконами¹.

Известно, сплетни расходятся быстро, но поймите моё смущение: мы вытащили Джозефа от силы час назад, а сконы — и это при умелом обращении с тестом — готовятся минут сорок, если ориентироваться на сноровку моей мамы. Но не время было выяснять, действительно ли мисс Вудс сидела в засаде на берегу.

— Мой милый, мой дорогой! — она бросила корзину у порога и кинулась обвивать шею Кампиона длинными ветвями своих рук. — Какое несчастье!

Рэй Кампион оставался с закрытыми глазами в той же позе, что и последние полчаса, ни на что не обращая внимания. Летисию это не остановило, она водрузила корзину с выпечкой на стол и по-хозяйски принялась летать по кухне, расставляя приборы, заваривая чай, раскладывая в розетки сливовое варенье.

Когда-то давно Летисия Вудс сочла своим долгом кормить мужчин в этом доме. Она не являлась (насколько мне известно) любовницей ни моего деда, ни Кампиона, ни — как такое в голову придёт только! — Стэнли с Джозефом. Виной всему, вероятно, материнский инстинкт, весьма остро развитый в ней (как многое другое женское), хоть

---

¹ Ско н — небольшого размера бездрожжевой британский хлеб из пшеницы, ячменя или овсянки, традиционно приготовляемый в Шотландии и на юго-западе Англии.

детей у Летисии нет. Дом этот, заселённый лишь мужчинами, вполне закономерно превратился в поле деятельности неутомимой Летисии Вудс, и я рад, что дед в свои семьдесят не обделён заботой и женским вниманием.

Мисс Вудс уже много лет (никто не знает, как много) — полнокровная высокая и довольно стройная дама в одной поре с волнующимся каре светлых волос и тягой к простым шифоновым платьям в мелкие розочки. Вечная невеста. Всегда наготове, если за углом притаилась судьба. Однако её голос поставлен, как у самой несносной женщины. Вы можете терпеть его от силы минут десять, а дальше, поверьте, черёмуха отцветёт раньше, чем у вас кончится мигрень.

Летисия сказала, что знает — дело в наркотиках. Услышав это, Рэй Кампион встал и удалился из комнаты.

Дед покачал головой.

— Не говори чепухи.

— Но ведь это всем понятно, — расстроено изрекла Летисия. — Ужасно. Это сломит Рэя окончательно.

— Ерунда! Парень в этот раз просто неосторожно обращался с лодкой.

Дед неумело обманывался. Героин сгубил Джозефа. Но дать прослыть Джозефу наркоманом, пускай даже посмертно, деду не хотелось.

— Сконы, юноши! Ну же, пока горячие! Вам нужно набраться сил!

Мы с неохотой принялись поглощать её ароматные изыски с хрустящей корочкой и рыхлой начинкой. Надо признать, немного чёрствые и уродливые изваяния, что готовит моя мама, и рядом с этими не лежали. И вот ведь парадокс: моя мама счастлива в браке уже двадцать первый год, а Летисия в свои вечные «двадцать один» никак не обретёт счастье. Однако вспомните, что я говорил про её голос.

Пока я витал в мыслях, не замечал, как моя рука подвергалась бережной обработке раствором перекиси водорода. В довершение Летисия обмотала рану бинтом.

— Спасибо, мисс Вудс.

— Тсс, — она поднесла палец к губам. — Лучше молчи сейчас. Слова тратят силы. Вот, бери, ешь побольше сконов.

Я был готов молчать хоть весь последующий день, потому даже не кивнул, просто потянулся за очередной булочкой. Слова тратят силы. Мудро. Жаль, сие жизненное правило Летисия никак не использовала сама. Надо полагать, у неё-то сил в избытке.

Столь же ненавязчиво мисс Вудс принялась за Адама. Тот сидел, вытянув изрезанные, накрытые пледом ноги вдоль скамьи. У моего друга раны серьёзнее, если не принимать в расчёт удар моей головы о лодку. Но, кажется, всё обойдётся.

Я счёл, что лазарет кончился, но наша ярая Флоренс Найтингейл¹ и не думала сдавать пост. Следующим пациентом был мой дед, его раны куда глубже. Здесь нужен психолог. Не знаю, есть ли такая профессия, что неподвластна Летисии Вудс. Пожалуй, нет.

— Ты совсем не притронулся к еде.

— Я разбит, — сказал мой дед.

Летисия хмурилась, ей это совсем не шло. Однако любые модуляции голоса ей всегда удавались весьма эффективно. Вот и сейчас в голосе мисс Вудс зазвучали медные упрекающие ноты:

— Подумай о Рэе, это ведь его сын погиб. Он сейчас наверху, сидит один и плачет. Тебе нужны силы, чтобы поддержать его.

---

¹ Сестра милосердия и общественный деятель Великобритании (1820—1910).

— Рэй никогда не плачет, — сказал дед.

Он вновь обманывается, думал я. Как не плакать, когда погибла твоя плоть и кровь?

Но Шон Гарфилд и Рэй Кампион — из старых морских дьяволов, что никогда ни по чему не плачут. А посему не пристало женщине говорить такое.

— Как знаешь, а поесть надо. — Летисия налила душистого чаю с чабрецом, разрешила поперек скон и в два слоя размазала сливовое варенье по рыхлой мякоти. — Пожалуйста. Ради Рэя.

Дед потянул с полминуты. Наконец сдался. Откусил хлеба. На его усах и бороде тут и там заблестело варенье, но он этого не заметил.

— Как же нам теперь без Джозефа? — непонятно у кого и зачем спросила Летисия, ковыряя общую рану. И вдруг вспомнила: — Ох, Шон! Ты же всегда не любил это имя — Джозеф.

Дед аж отпрянул.

— Не говори ерунды!

— А вот и правда! — вцепилась мисс Вудс. — У тебя был дядя Джозеф, ты его терпеть не мог. Это он заставил тебя съесть целый фунт сырого картофеля.

У меня вытянулось лицо, я впервые слышал эту историю. Удивительно, что родственники могут знать о своих близких меньше, чем соседи, но в Сент-Фоуи люди живут именно так.

Заметив моё изумление, Летисия объяснила:

— Твой дед как-то застал своего дядю Джозефа за сараем, где хранились сгнившие лодки. Дядя Джозеф изменял жене с гувернанткой, кажется. Когда шпион обнаружился, его заставили съесть мешок сырого картофеля! А после настрашали, что, если он проболтается об увиденном, картофель этот прорастёт прямо в его желудке!

Фунт за минуту превратился в мешок! Но вы всегда должны учитывать, кто с вами говорит. В случае с мисс Вудс сказанное можно смело делить на десять.

Её рассказ возымел действие, но явно не то, на которое она рассчитывала. Летисия хотела только разрядить обстановку. Реакция же деда была, на мой взгляд, единственной возможной — он треснул кулаком по столу.

Мисс Вудс аж подпрыгнула, но отступить не собиралась.

— Ты до шестнадцати лет верил в это! Что картофель прорастает в желудке! У тебя с детства психика травмирована! Съешь скон, ради бога!

В этот момент она походила одновременно и на брыкливую жену, и на старшую сестру, и даже на тещу. На деле же была просто соседка по улице.

Дед глубоко выдохнул и произнёс тихо:

— Несносная ты женщина. Помолчи хоть малость.

Вы бы удивились, как и я, но Летисия Вудс села и умолкла.

Глава 2

СЕНТ-ФОУИ

Позвольте дать вам немного отдохнуть от мисс Вудс. В моём повествовании этой бушующей женщины будет с лихвой. Сейчас я расскажу о нашей деревне, в которой произошли печальные события этих нескольких дней, включая гибель Джозефа.

Сент-Фоуи — типичная рыбацкая деревня в три улицы, вытянутая вдоль юго-западного побережья Шетландских островов. У нас есть почта, пристань, крошечный книжный магазин и даже салон красоты.

Я говорю «у нас», хотя я здесь фактически гость: мы с Адамом приехали на летний месяц навестить моего деда.

Две пары крепких рук и ног восемнадцатилетней выдержки всегда пригодятся в хозяйстве. За десять дней пребывания мы залатали эпоксидной смолой и опилками любимую дедовскую лодку-плоскодонку (зря старались — теперь она гниёт в пучине Нептуна), а также вырезали и приколотили новые ножки к обеденному столу (старые пошли как раз на опилки). Серьёзные работы, как удаление доисторического «пальто» из овсяной соломы, покрывающего наш дом, и монтаж кровли из дранки¹, похоже, придётся отложить.

В Сент-Фоуи два магазина: один, с более чем банальным названием «Рыба и чипсы», принадлежит деду и его давнишнему приятелю Рэю Кампиону; другим, с примерно тем же набором товаров, владел старик Брекенридж, скончавшийся не так давно. За прилавком с тех пор его дочь, пышка Пэм. Такая потребность в двух магазинах на обслуживание малой горстке жителей обусловлена местной географией. Деревня состоит из восточной и западной частей, западная выступает южнее, и чтобы добраться до восточной, нужно пройти вдоль прибрежных вересковых холмов. Это минут двадцать неспешной ходьбы.

Старый маяк находится в западной части, как бы разделяя запад и восток. Если смотреть со стороны моря, то слева от маяка в десяти минутах ходьбы находится дом, где живут мой дед, Кампион с сыновьями (теперь уже с одним) и где обитаем мы с Адамом на время каникул.

Магазин примыкает к дому с левой стороны. В него есть вход с улицы, но есть и внутренняя дверь, ведущая в дом. В торговом зале, к удивлению редких приезжих, стоит обеденный стол, а также у одной из стен расположена небольшая кухня. Весьма удобно, можно приготовить еду и поесть, не отходя от рабочего места. Проще говоря, ма-

---

¹ Кровельный материал в виде пластин из древесины.

газин воспринимается как ещё одна комната нашего жилища.

Отсюда минута ходьбы до дороги, в этом месте она сворачивает вглубь острова, поднимается на холм и вновь идёт параллельно берегу на восток. И тут между дорогой и морем наш дом и магазин. Теперь никуда не сворачиваем, а продолжаем идти на запад. Дома здесь тянутся по дороге вдоль берега, и все без исключения окрашены белой известью — результат послевоенного народного голосования, целью которого было оживить хоть как-то эту часть суши. Издали дома напоминают гирлянду светлых пятен и ещё больше свидетельствуют об унылости нашего пасмурного бытия.

В самом большом из домов обитает семейство Макэвеев — древнейший клан из когда-либо заселявших местные широты. Далее дом Летисии Вудс и её парикмахерский салон «Белая роза», а также дом миссис Брекенридж, в котором сейчас снимает комнату доктор Натан Тёрнер, недавно прибывший в эти края из Абердина.

Раньше среди этих домов был и дом семьи Кампион. Разумеется, было такое время, когда наши семьи жили отдельно. Но мой отец вырос и в 1929-м уехал в Эдинбург, где повстречал мою маму. Там и я через год родился. Бабушку я никогда не видел, она почилла задолго до моего рождения. Так дед остался совсем один, но это закономерно.

Совсем иначе сложилась судьба его старого друга Рэя Кампиона. Энни Кампион скончалась сразу же после рождения Джозефа. Мне всегда было немного жалко Кампиона, всё-то у него не ладилось. Дед говорил, Кампионы долго не могли родить. Четыре или пять выкидышей случилось у Энни перед тем, как появился Стэнли. Энни к тому моменту было тридцать с небольшим, самому Кампиону — уже далеко за сорок. А ещё через десять лет ро-

дился Джозеф. Жена умерла, старший сын вырос лодырем, а младший подсел на иглу, что и привело к сегодняшним событиям.

Да, жалко Кампиона. Как ни крути, а жизнь всегда была к нему несправедлива. Уверен, его укореняющаяся угрюмость — результат пережитого. Дед, одичав от безлюдья, предложил Кампиону съехаться под одну крышу. Общее дело, налоги платить за один дом. Словом, все в выигрыше, но главное — в доме всегда есть люди.

За маяком следит Стэнли, его обязанность — каждый день заставлять горелку нагревать сетку фонаря. Он принципиально не способен на большее, иначе бы давно сбежал с острова в поисках лучшей жизни и карьерного роста, как это когда-то сделал мой отец. Но какой уж там карьерный рост! Этот подъём не по силам мозгам тридцатипятилетнего Стэнли с одной тупой извилиной.

У меня убеждение: если человек не может сделать что-то в двадцать лет, когда он сможет? Отец хочет, чтобы я вслед за ним стал юристом. Меня до смерти не прельщает такая перспектива, потому что я мечтаю водить самолёт. Старик со мной не спорит, но, затрагивая тему моего образования, никогда не упустит шанс промыть мне мозги, что, мол, вначале я выучусь на юриста, а потом смогу летать сколько влезет. Ему легко говорить. Сам-то он налетался вдоволь, когда служил в Королевских военно-воздушных силах. Для него самолёт был вещью, которой приходилось пользоваться так же, как лезвием для бритья или ложкой для супа.

Адам считает, что старик прав, намекая на большой романтизм в моей голове. Я чувствую, как от этих разговоров становлюсь вспыльчивым и замкнутым, и в последнее время стараюсь не видеть отца. Хорошо, когда есть куда сбежать. Это всегда одно и то же место — дом деда в Сент-

Фоуи, и здесь я каким-то образом надеюсь получить хороший пинок под зад, который поможет мне определиться, что для меня важнее — мечта или воля отца.

Чтобы добраться до восточной части, идём вверх по холму, оставляя справа магазин и дом. Дорога уходит круто влево, но если заглянуть за камни, в которые упирается поворот, то можно обнаружить скрытую тропку, ведущую к обрыву. Именно там расположена лавка свиданий. С неё открывается волшебный вид на маяк и море. Этот сокрытый выступ находится чуть ниже окон комнаты на верхушке маяка.

Лавка свиданий — традиционная скамья в металлических ажурках. Кто и когда изготовил её, никому не известно. До маячного окна от неё не больше пятнадцати-двадцати ярдов, и обычно, если у кого-то здесь тайное свидание позже семи вечера, Стэнли, сидя на дежурстве, может втихоря наблюдать за происходящим. Об этом известно чуть ли не каждому, как и то, что Стэнли особо не водит ни с кем дружбу, а значит, не станет чесать зубы. Помните поговорку — *«бездельник болтлив»*? Так вот представьте, что за циклопическая лень родилась вперёд нашего Стэнли, если даже молоть языком ему представлялось надсадой.

В восточной части среди прочих обитателей живут почтальон Саймон Рассел с дочерью Джуди. По соседству с ними единственная аптека, зоомагазин и неплохая кондитерская.

Макэвои — из числа равнинных кланов. Когда-то Уильям Макэвой завещал дом трём сыновьям, и после его смерти все трое так и остались жить вместе.

Старший, Джон Макэвой, местный врач, во Вторую мировую служил в Медицинском корпусе Королевской армии в Палестине и Трансиордании. Высокий худой мужчина с извечно угрюмым лицом. Ему нет и сорока, однако

меж бровей его уже давно легла глубокая морщина. Женится на очерствелой Ровене, в девичестве Асмер, которую здесь прозвали ведьмой. В общем-то, она походит на ведьму в равной степени, что и любая другая женщина. Дело в её характере. Видом привлекательна, а сердцем — труболётка¹. Она может позволить себе не здороваться, если проходит мимо чьей-то калитки. А иной раз и здорово, что молчит; голос её холоден и колюч, как северный ветер, что дует из Оркнейских пещер. Больше того, в отличие от мужа, который привык лечить своих пациентов традиционными медицинскими методами, Ровена старается искоренять хворь, заведшуюся в доме, исключительно травами и прочими народными средствами. Думаю, последнее как раз и является подлинной причиной её дурной славы.

У Джона и Ровены подрастает семилетний Билли. Говоря местным языком, ребёнок вышел ледащий, из трёх лучинок, любая болезнь к нему пристаёт как вар сапожный, и все считают — это не что иное, как честное отражение взаимоотношений его родителей.

Средний сын, Хью Макэвой, был серьёзно ранен на фронте и отправлен в тыл. Война вскоре кончилась, и Хью больше не возвращался на поле битвы, однако его правая рука на всю жизнь теперь контужена. Хороший парень, он вам сразу понравится, как только вы его встретите. Взгляд больших светлых глаз туманного зелёного оттенка источает тоску и тяжесть прошлого, и это в двадцать пять лет! Насколько я знаю, капитан одинок, но, думаю, ненадолго. Очень уж он общителен и хорош собой.

Младшего Макэвоя зовут Дуглас. Погружённый внутрь себя, в свои мысли и занятия человек, отрешённый от мира, с бытовой точки зрения, и очень одарённый — с науч-

---

¹ Ведьма, летающая через печную трубу.

ной. Дед говорил, это называется синдром саванта. Дуглас крайне вспыльчив, иной раз его лучше не касаться, а сталкиваясь с ним, ощущаешь — душа его из тончайшего хрустала и вот-вот треснет, и тогда не знаешь, как себя вести. Между ним и Хью всего около трёх лет разницы, но в случае, подобном Дугласову, возраст, наверное, роли не играет, и человек навсегда остаётся странным ребёнком.

К Дугласу нас приучали, к его странностям. Мы были мальчишками и, бывало, кидались в него последними словами. Я повзрослел где-то между началом и концом войны, тогда и догадался, что если бог и живет в Сент-Фоуи, то своим домом он мог избрать только честное сердце Дугласа.

Было что-то около десяти, когда Натан Тёрнер, высокий, астенического телосложения мужчина лет сорока пяти, зашёл в наш магазин. Дед открывает в девять, но, кажется, этой ночью магазин и не закрывался. Чемпиона мы не видели ни разу после выходки Летисии, а Стэнли до сих пор спал, и ему только предстояло узнать о смерти брата. Адам прилёг в спальне, я оставался с дедом в зале. После двух таблеток аспирина боль моя понемногу отпускала, но я всё ещё был глуховат на левое ухо, и, скорее всего, в нём оставалась вода. Лучше ничего не совать туда, говорил дед. Само вытечет, когда надо.

Тёрнер справился о нашем здоровье, принёс соболезнования. Однако он был весьма тактичен, не заговорив об утопленнике. Вместо этого он попросил небольшой брусок сыра. Дед завернул в бумагу.

Вновь зазвенел колокольчик, вошла Ровена Макэвой.

— Доброе утро, миссис Макэвой!

— Доброе... Какое там доброе, мистер Гарфилд! Пожалуйста, примите мои самые искренние соболезнования, — хрипло произнесла она с порога.

Ровена редко ходит по магазинам. В основном покупками занимается их домработница, девица Келли с веснушками вокруг глаз. Мне подумалось, что Ровену сюда привели отнюдь не консервы, а плутающие духи, как известно охотящиеся за неприкаянными душами. Она подошла к прилавку, пробежалась глазами по полкам со снастями. Очевидно как божий день, она хотела что-то спросить и не знала, как подступиться.

Дед по-доброму спросил:

— Вам помочь?

— О, благодарю. — Ровена даже улыбнулась.

Точно хитрит.

Затем спросила:

— Эти пряники свежие?

— Мисс Торуенс вчера привезла.

Ровена терпеть не может пряники, как и всё сладкое, это всем известно. Теперь я твёрдо знал: она пришла разузнать подробности о смерти Джозефа. Здесь я поразился, что рупор гласности Летисия Вудс до сих пор не снабдила всю деревню доступной информацией.

Я не ошибся. Ровена обронила фразу:

— Только не знаю, уместны ли пряники в часы скорби?

А затем:

— Так трудно предугадать, когда смерть в дом постучит, не так ли? Всегда нужно быть настороже.

Дед отделался общими словами, как бы соглашаясь со сказанным.

Ровена, не найдя у нас поддержки, стала осаждать Тёрнера. В её глазах читалось: уж он-то точно знает как врач, где здесь собака зарыта. Однако Тёрнер не повёл и бровью. Прижав к себе пакет с сыром, он дипломатично выслушал суждения Ровены о смертях, словно она была у него на приёме, и ограничился парой кивков.

Я заметил, как приветлива была Ровена сегодня, и с минуту даже казалось, что она флиртует с доктором. Но нет, Ровена Макэвой совсем не такая. Она преданная.

Неприступность Тёрнера, безусловно делавшая ему честь, порядочно выводила из себя. На месте Ровены я бы уже взорвался. Но она терпела и, надо признать, мастерски подкидывала фразу за фразой.

— Я недавно читала в «Шетланд телеграф», как у одного моллюска учёные обнаружили неизвестный белок, с помощью которого они надеются излечивать наркотические зависимости. Подумать только, найти средство из морской губки! Разве это не чудеса? Пишут о новом Александре Флеминге¹ и о новом пенициллине от наркомании. Как вы считаете, это всё правда?

Тёрнер покачал головой.

— Я тоже читал эту статью. В самом деле, — сказал он, — наука не стоит на месте, сейчас многое исследуется с другой точки зрения. Война послужила важным катализатором перемен и инноваций. Конечно, я не вижу антибиотиков средством от зависимостей, но я верю, что белок может лечь в основу новых методов разного рода диагностик.

— Как это здорово! — сказала Ровена. — Жаль, до нашего острова нужное лечение так и не дошло. Возможно, оно помогло бы Джозефу?

Господи! Вот ведьма-то! Какое ей дело до Джозефа?

Тёрнер поблагодарил за сыр и вышел. За ним, ничего не купив, как кошка за мышью, метнулась Ровена.

В двенадцать я вышел на дорогу с большим свёртком в руках. Это был спецзаказ для одной немощной дамы в конце улицы, дед всегда носил ей сам, но сегодня я вызвался помочь. Я неспешно шёл и поглядывал на то место,

---

¹ Британский бактериолог, изобретатель первого антибиотика пенициллина (1881—1955).

куда сегодня утром нас выбросили волны, и думал о том, что мы могли ведь запросто концы отдать, и о том, сколько в нас всего дурного, и всё ещё блуждал в мыслях, когда случайно налетел на Саймона Рассела.

— А, Макс Гарфилд! Бедняга, — кривовато улыбнулся Рассел. — Сил-то поубавилось?

— Совсем нет, — ответил я немного дерзко. — С чего бы?

Рассел поджал губы.

— Выжить после такого не каждому под силу. Говорят, вас порядком потрепало!

Я вдруг подумал: а он откуда знает? Как правило, люд из восточной части не проинформирован раньше полудня. Ах да, Рассел доставил утреннюю почту для миссис Бреккенридж, а та, должно быть, с утра пораньше уже уложила непокорную солому на своей голове в салоне Летисии.

— Сразу видно — внук морского дьявола! Непотопляем! — почтальон вдруг засмеялся.

Что тут было смешного, ума не приложу. Мы едва не погибли. Я махнул рукой, сказал, что мне пора, и двинул дальше. Какое-то время я ещё слышал, как он посмеивался, продолжая свой маршрут. В самом деле, что тут смешного?

Я поднял голову и прищурился. Я, конечно, треснул-ся башкой и даже оглох немного, но не сбрендил же! Разве это не Кампион идёт мне навстречу? В самом деле, это был Рэй Кампион. Он поднимался с причала и шёл в мою сторону. А я был уверен, что он не спускался со второго этажа и не выходил из дому.

— Daingead!¹ — бросил он, когда мы поравнялись.

— Вы гуляли?

---

¹ Чёрт знает! (*гэльск.*).